

ныхъ себѣ людей съ предвзятыми, какъ онъ, мыслями; здѣсь у него дѣвольская несправимая гордость, и онъ умретъ съ нею. Ими же всѣи судьбами, Ты Самъ, долготерпѣливый Господи, спаси сего, помраченнаго!

* * *

Я говорилъ уже, что Толстой дышетъ непримиримую ненавистью къ Церкви и ея органамъ—священнослужителямъ; не признаетъ ихъ божественнаго права учить, священнодѣйствовать, руководить вѣренное имъ словесное стадо къ добродѣтели и къ Богу,—отвергаетъ истину и спасительность ихъ ученія; не признаетъ богооткровеннымъ ученіе Церкви; признаетъ нелѣпное равенство всѣхъ людей, не допускаетъ подчиненности младшихъ старшимъ, подчиненныхъ начальству, вѣрноподданныхъ Царю, словомъ—производитъ какую-то сутолоку и сбивчивость во всемъ, и, отвергая все, вмѣсто отвергнутаго, онъ ничего не даетъ, оставляя людямъ только разумъ, который такъ извѣстенъ по своимъ нелѣпнымъ заблужденіямъ чрезъ всѣ прошедшія тысячелѣтія, и утверждая, что люди могутъ дойти до совершенства своимъ разумомъ. Встѣ и дошелъ Толстой до абсурда, до неслыханной гордости и дерзости, отвергнувъ все богооткровенное, спасительное, христіанское ученіе и Богомъ основанную на землѣ Церковь.

Толстой—неслыханная гордыня и дерзость воплощенная. Онъ унижаетъ всѣхъ папъ, кардиналовъ, митрополитовъ, епископовъ, суперинтендентовъ, пасторовъ и священниковъ и судитъ ихъ, себя-же ставитъ судьей всѣхъ; обличаетъ всѣхъ, какъ ложныхъ проповѣдниковъ и учителей, обманщиковъ, проповѣдующихъ то, во что будто бы они сами не вѣрятъ, и только притворяются будто вѣрятъ. Вотъ ужъ, что называется, съ большой головы на здоровую. А сколько есть искренно вѣрующихъ между иновѣрными духовными особами, не говоря о лицахъ православнаго духовенства. Оглученный отъ Церкви, Толстой еще болѣе возненавидѣлъ ее и ея служителей.